

**Формирование институтов призрения детства
в Пермской губернии:
государственная и частная инициатива***

Государственная система детского призрения в России складывается в эпоху «просвещенного» царствования Екатерины II. Самобытность этой системы, призванной не только сохранить жизни «несчастнорожденных» младенцев, но и вырастить из них хорошо обученных людей «новой породы» – купцов, ремесленников, художников, рабочих фабрик и мануфактур, которых так не хватало России того времени, уже не раз привлекала внимание исследователей, занимающихся историей благотворительности. Судьбе императорских воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге посвящены труды дореволюционных и современных ученых, писателей, публицистов¹. История воспитательных домов в провинции освещена гораздо скромнее, хотя именно они являли иногда удивительные примеры благотворительной деятельности. Цель настоящей статьи – в какой-то степени восполнить этот недостаток и дать анализ взаимодействия государственной и частной инициативы в деле создания первых провинциальных институтов социальной помощи детям, лишенным попечения родителей.

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 09-01-83108 а/У «Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурные аспекты».

¹ См.: Питомцам Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома в воспоминание столетнего юбилея этого заведения. СПб., 1873; *Пятковский А. И.* Санкт-Петербургский Воспитательный дом под управлением И. И. Бежко. СПб., 1875; *Забелин А.* Вековые опыты наших воспитательных домов. СПб., 1891; *Максимов Е. Д.* Очерк исторического развития и общественного призрения в России // *Общественное и частное призрение в России.* СПб., 1907; *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX– начало XX века. М., 2005; *Соколов А. Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006; и др.

© Дашкевич Л. А., Исаева М. В., 2009

Создание воспитательных домов в провинции стало возможным после проведения губернской реформы 1775 г. В соответствии с Учреждением о губерниях забота о бедных и обездоленных была возложена на приказы общественного призрения. Их же заботам поручались и бездомные дети, пристанищем которых становились закрытые учреждения для содержания сирот и незаконнорожденных младенцев. Законодательной основой деятельности приказов в сфере детского призрения служил Генеральный план Московского воспитательного дома, первая часть которого была утверждена императрицей в сентябре 1763 г., вторая и третья – в 1767 г. По Генеральному плану Московский воспитательный дом был задуман как общероссийский благотворительный институт. Двенадцатый параграф первой главы плана гласил, что «всякого звания люди» в разных городах России, «по их милосердию и человеколюбию», могут принимать и содержать у себя брошенных младенцев в течение двух-трех лет, но не более пяти, после чего им полагалось привозить детей для воспитания и обучения в Московский воспитательный дом. Здесь питомцы получали элементарное общее образование, а затем с 14–15 лет мальчиков и девочек отдавали на обучение разным ремеслам в мастерские, организованные при самом доме, или частным ремесленникам.

Самые способные могли продолжить обучение. Московский воспитательный дом стал родоначальником нескольких учебных заведений. Первое из них – Коммерческое училище для мальчиков, открытое в 1772 г. на средства Прокофия Демидова (в 1800 г. училище переехало в Петербург). В 1801 г. при Московском воспитательном доме был создан Повивальный институт для девочек, в 1807–1808 гг. – два учебных «латинских» мужских класса, предназначавшихся для подготовки к поступлению на медицинский факультет Московского университета и в Медико-хирургическую академию. В 1809 г. здесь учреждают для девушек два класса, получивших название французских. В них готовили учительниц и воспитательниц. В 1832 г. открывается ремесленное учебное заведение Московского воспитательного дома, которое впоследствии дает начало знаменитому Московскому государственному техническому университету.

Из воспитательного дома все брошенные дети, как законные, так и внебрачные, выходили вольными людьми и сохраняли этот

статус в дальнейшем, никто не имел права их закабалить или прикрепить к себе. Бывшие «несчастнорожденные» могли заниматься предпринимательством, покупать дворы, лавки, заводить фабрики и заводы, вступать в любые свободные «состояния». При выпуске каждый питомец получал паспорт с гербом воспитательного дома и подписью главного попечителя. Для привлечения частных благотворителей к поддержке детского призрения было учреждено звание попечителя воспитательного дома.

Необычная для крепостной России правительственная инициатива стала началом широкого и систематического сотрудничества государства и частной благотворительности в сфере образования и социального попечения. Петербургский историк Т. Г. Фруменкова обнаружила целый ряд примеров инициативы провинциалов в призрении «несчастнорожденных» младенцев. Среди них были канцелярист М. Д. Остафьев из Юрьевца (1766), коллежский асессор А. А. Кушников из Чебоксар (1768), каргапольский купец И. А. Марков (1768), священник П. Панкратьев из Тихвина (1773). Их благотворительная деятельность, однако, оказалась не слишком успешной. «Провинциалы... искренне ожидали такой, как и в столицах, помощи от государства, и, прежде всего, сооружения за казенный счет помещений для сирот, — пишет исследовательница. — Но всем им велено было рассчитывать только на собственные силы. Стремления к благотворительной работе небогатых людей, по преимуществу представителей средних слоев, остались невостребованными. Воспитательные дома в названных городах, скорее всего, так и не были созданы»².

Екатеринбург оказался одним из немногих городов, который поддержал благотворительную инициативу своего жителя, купца третьей гильдии Федора Яковлевича Логинова. Сын турчаниновского приказчика, крепко стоявший на ногах, лично обратился 6 июня 1790 г. в Московский опекунский совет Императорского воспитательного дома с просьбой о назначении его попечителем и воспитателем «несчастливых обоого пола и родителями оставленных

² Фруменкова Т. Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2002. С. 276.

детей», коих он собрался принимать «поможением доброхотных подателей». Сразу после обращения в опекунский совет Ф. Я. Логинов не получил официального разрешения на открытие воспитательного дома в Екатеринбурге, однако отказать неимущим матерям, которые понесли младенцев прямо к нему в дом, не смог. В течение двух лет он принял тридцать младенцев, из их числа выжили девять. В 1792 г. старшему из них, Якову, пошел пятый год, и в соответствии с Генеральным планом следовало отправить ребенка в Москву.

С просьбой о помощи в этом мероприятии Ф. Я. Логинов вновь обратился в опекунский совет, но получил неожиданный ответ. Ему было сообщено, что совет, «будучи неизвестен о нем», обратился за разъяснениями к Пермскому наместническому правлению, а то сообщило, что никаких сведений из Екатеринбургского магистрата о содержании младенцев в воспитательном доме не получало, екатеринбургские же сироты, оставленные родителями, воспитываются градским обществом «из собираемых между собою доходов» в малом народном училище, почему вверять детей особенному попечению купца Логинова магистрат «за нужно не находит». Возмущенный купец представил в ответ на это городовому магистрату не только самих младенцев, но и реестр об их крещении³.

После этого было принято решение в пользу благотворительного начинания, и 11 августа 1792 г. городская дума сообщила Управе благочиния о согласии общества основать в Екатеринбурге воспитательный дом и создать для его содержания особый сиротский капитал. Дума рассчитывала на пополнение этого капитала за счет подаваний «от доброхотных дателей», для поощрения которых учредила специальную книгу, скрепленную шнуром и печатью. Каждый благотворитель мог вписать в эту книгу свое имя и прозвание. Помимо того решено было вывесить при всех церквях и других общественных местах города кружки с надписью: «Для сирот». Родителей призывали «безопасно» отдавать младенцев в воспитательный дом, а неимущих матерей – обращаться «для разрешения от бремени» в местную богадельню, состоявшую при церкви Сошествия Святого Духа. В помощь женщинам дума обещала нанять повивальную баб-

³ См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

ку и специальную смотрительницу для приема младенцев, а больных и нищих из городской богадельни переселить в загородный дом при кладбище Успенской церкви⁴. Двенадцатого августа 1792 г. было принято новое решение о строительстве здания воспитательного дома, для чего отводилось место по Уктусской улице, рядом с Сошествиевской церковью⁵.

Начала этого строительства, однако, купец Ф. Я. Логинов так и не дождался. Официальное назначение на должность попечителя воспитательного дома он получил 12 ноября 1792 г., вскоре после того как состоялось собрание общества купцов, посадских и цеховых города⁶. Расходы на содержание младенцев купец по-прежнему нес сам. В феврале 1793 г. он доносил думе, что сиротский капитал, отданный на содержание воспитательного дома, слишком мал. В шнуровой книге записано подаяний лишь на 594 рубля 41 копейку плюс имеются материальные подношения – 50 пудов железа и доход от трех деревянных лавок. Из этого капитала необходимые для содержания воспитательного дома указные проценты составятся весьма нескоро, а потому, пишет Ф. Я. Логинов, «из денег мною не расходовано нисколько», годовое же содержание каждого из десяти младенцев требует не менее 15 рублей. Купец просил думу о помощи в содержании своих питомцев, и дума обещала возместить расходы Ф. Логинова из остаточных средств от денег, собираемых на содержание полицейской должности⁷. Помимо этого лавки попечителя не облагались налогами и считались «принадлежащими воспитанникам заведения»⁸.

Не получая поддержки из Москвы, Ф. Я. Логинов не считал себя обязанным отправлять детишек, достигших пятилетнего возраста, в центральный воспитательный дом. Объясняя это решение городской думе, он писал: «Как небызвестно сей градской думе, что поступившие каждогодно доброхотные подаяния и с разного строения кортомные деньги, в приход употребляемые, на содержа-

⁴ См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 6–11.

⁵ См.: Там же. Л. 25.

⁶ См.: *Корепанов Н. С.* В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 40.

⁷ См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 70.

⁸ См.: *Корепанов Н. С.* В провинциальном Екатеринбурге ... С. 82.

ние здешних питомцев расходуются почти без остатка, да и Московский опекунский совет прошедшего 1792 года июня от 15 дня в преподании средств для доставления в Москву за дороговизною и неудобностию изволил отказать, то по оным причинам здешние питомцы остаются здесь и поныне. Но согласно изданного для Воспитательного дому трех частей плана, сколько возможно оным преподается как учение, рукоделие и добронравие, ибо в том плане главное во оном намерении только и состоит, а потому и впредь на оном же положении намереваюсь содержать. А что ж, хотя здешний дом и не имеет высочайшего именного повеления, ибо сей предмет сохранить жизнь безвинным младенцам состоит под собственным Ея Императорского Величества покровительством, чтоб на основании того плана как воспитывать, равным образом и пользоваться таковыми же привилегиями, каковы изъявлены от Ея Императорского Величества из одного только соболезнавания и человеколюбивейшего матерного милосердия Московского и Санкт-Петербургского домов питомцам. Но как во всей Российской империи всякой род пользуется одинаковыми выгодами, следовательно, и здешним питомцам, надеюсь я, что Ея Императорское Величество не откажет в таковой же милости»⁹. Позднее Екатеринбургской думой было принято решение отправлять повзрослевших детей не в Москву, а в Пермь, на попечение местного приказа общественно-го призрения.

Пространно процитированное нами доношение Ф. Я. Логинова убедительно свидетельствует о мотивах его благотворительной деятельности. Купец из далекой уральской глубинки вполне ясно осознавал просветительные замыслы проекта императрицы, и привлекали его не только традиционно христианские цели милосердия и спасения жизни «несчастнорожденных» младенцев, но и их новые социальные возможности.

Однако в конце XVIII в. правительственные намерения в отношении воспитательных домов изменились. Второго мая 1797 г. восшедший на престол император Павел I подписал указ «О принятии главного начальства над Воспитательными домами императрице Марии Федоровне», чем было положено начало Мариинскому ве-

⁹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 111.

домству. Штат воспитанников в Московском и Санкт-Петербургском воспитательных домах, по решению императрицы, был сокращен, а большинство их питомцев отправились в деревню, после чего они становились уже не вольными людьми, а государственными крестьянами. Современный исследователь А. Р. Соколов вполне справедливо оценивает эти изменения как отступление от первоначальных замыслов основателей воспитательных домов: «Идеологическая цель создания в империи прослойки “среднего чина” людей сменилась подготовкой людей “государству полезных”»¹⁰.

Охладела к собственному воспитательному дому и Екатеринбургская городская дума. Основатель и первый попечитель дома Федор Яковлевич Логинов в 1802 г. умер. Воспитанницы (11 девочек младше пяти лет) размещались в это время в четырех покоях его собственного дома. Няньками при малышах работали мещанские жены. Сюда же, в логиновский дом, приходили разрешаться от бремени роженицы. После смерти Ф. Я. Логинова решено было переместить детское воспитательное заведение в загородный общественный дом, бывший полковой лазарет. Достойной замены Ф. Я. Логинову на должности попечителя воспитательного дома не нашлось. Избирались на нее разные купцы (Яким Мартынов, Павел Кожевников, Григорий Чирьев, Алексей Дрозжилов, Федор Ерусалимов, Александр Кузнецов), но все они весьма формально воспринимали это звание, считая его обычной городской службой.

Денег на содержание Екатеринбургского воспитательного дома выделялось очень мало. Документы городской думы, обнаруженные Н. С. Корепановым, свидетельствуют о печальном состоянии заведения. «Вскоре должность попечителя совместили с должностью публичного нотариуса, — пишет он, — и на содержание Воспитательного дома, помимо поступлений от “игралищ” и табачных лавочек, добавились акцизные сборы нотариуса, а также и частного маклера. Но денег на сирот все равно не хватало. Старшая среди четырех нянек жена мещанина Семена Дементьева Федосья Абрамовна беспрестанно жаловалась в думу, что попечитель не платит жалованья, не доставляет рубашек и платиц воспитанницам, а в колыбельках истрепались подушечки и покрывала. А на пропита-

¹⁰ Соколов А. Р. Благотворительность в России ... С. 218.

ние покупаются всего только мука ржаная и пшеничная, просо и постное масло»¹¹.

Врачебный контроль за состоянием здоровья воспитанников, очевидно, отсутствовал, ни одного упоминания об осмотре питомцев врачом или их лечении в архивных делах не сохранилось. Это было одной из причин того, что воспитательный дом страдал от высокой смертности детей. В фонде городской думы сохранилась книга приема младенцев, которая учитывала дату поступления ребенка, его имя, возраст, имущество и дату смерти или выхода из воспитательного дома, а также имя няньки, ухаживавшей за ним. Записи в книгу производились с 1 января 1817 г. до момента закрытия дома в 1828 г. Показатели смертности детей, зафиксированные в этой книге, ужасают. Из 100 поступивших сюда детей, не дожив до года, умирало 95, срок их жизни на руках надзирательницы или кормилицы часто не превышал 1–2 дней. Шанс выжить, как правило, имели лишь младенцы, поступившие в воспитательный дом в возрасте старше пяти месяцев.

Высокая смертность детей в провинциальных воспитательных домах стала одной из причин того, что в 1828 г. решено было закрыть эти учреждения и определить их воспитанников к опекунам или мастерам «для воспитания и обучения приличным мастерствам и рукоделиям»¹². Причины прекращения деятельности детских заведений, впрочем, не ограничивались гуманными побуждениями. Главные факторы, раздражавшие правительство в деятельности воспитательных домов, были вполне ясно сформулированы в указе 1837 г. «О мерах по уменьшению приноса в воспитательные дома детей»: «Умножающийся год от году принос в Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома и возрастающая вместе потребность для них в кормилицах обнаружили, особенно при последней народной переписи, вредное влияние, которое имеет на народонаселение ежегодное удаление такого множества крестьянок от естественных материнских обязанностей. С другой стороны, долговременный опыт доказал, что многие родители отчуждают и закон-

¹¹ *Корепанов Н. С.* В провинциальном Екатеринбурге ... С. 104.

¹² Выписка из отчета Министерства внутренних дел за 1828 год // Журнал МВД. 1829. Кн. 2. С. 260.

норожденных детей своих от родительского попечения и семейного быту не по причине нищеты, лишаящей способств к их содержанию, а для того, чтобы под этим предлогом вывести детей своих из сословия, к которому принадлежат, освободить их от общественных обязанностей, на том сословии лежащих, или доставить выгоды по гражданской службе выше своего состояния»¹³.

Екатеринбургская городская дума закрыла воспитательный дом сразу после получения указа 1828 г., передав его питомцев на содержание и обучение к местным мастеровым. Дума взяла с них подписку, обязывавшую содержать детей до их совершеннолетия, предоставлять им верхнюю и нижнюю одежду и обувь и ничем напрасно не изнурять, а также не водить «в безобразном виде по улицам» и приучать «страху божью и ремеслу, какому они окажутся сходными»¹⁴.

Пермский воспитательный дом еще некоторое время продолжал свою работу. Численность его питомцев значительно превышала численность питомцев екатеринбургского заведения, и определить их судьбу было сложнее. Возник Пермский воспитательный дом в период генерал-губернаторства Евгения Петровича Кашкина, о чем он с удовлетворением отмечал в письме от 23 февраля 1788 г. местному приказу общественного призрения: «Весьма радуюсь, что благотворительное учреждение в рассуждении призрения и покровительства несчастнорожденных младенцев восприяло благословенное начало»¹⁵.

Расположился Пермский воспитательный дом первоначально в небольшом доме, купленном у секретаря губернского магистрата И. Степанова. Рассчитан он был на две колыбельки. Очень скоро, однако, стало ясно, что этого оборудования недостаточно. Лишь за первые два месяца работы сюда поступили тринадцать младенцев: один мальчик и двенадцать девочек (семеро из них, правда, вскоре умерли). В марте 1788 г. количество детских колыбелек в доме увеличили до восьми, но и они не могли принять всех поступающих. В августе 1788 г. приказ общественного призрения принял решение о переезде воспитательного дома в другое, более просторное

¹³ ПСЗ II. Т. 12. № 10390.

¹⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 74.

¹⁵ *Смышляев Д.* Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 107.

помещение. Подходящим был признан дом секретаря наместнического правления Н. Овчинникова, который и купили за 220 рублей. В новом доме утеплили пол, отремонтировали печь, оклеили стены обоями и вновь начали прием «несчастнорожденных» младенцев¹⁶. Вскоре, однако, и тут оказалось тесно.

Более удобные условия для работы Пермский воспитательный дом получил в период губернаторства Карла Федоровича Модераха (1796–1811). Автор некролога, посвященного памяти губернатора, особо отмечает его заслуги в деле развития Пермского воспитательного дома, который находился при нем «в самом цветущем состоянии», чем и обратил на себя внимание правительства¹⁷. Показатели работы детского учреждения конца XVIII – начала XIX в. действительно свидетельствуют о его успехах. В 1798 г. Пермский воспитательный дом переехал в большой, достаточно удобный деревянный дом на Екатерининской улице. Число его воспитанников стремительно росло. Если в списках 1793 г. здесь числилось всего 23 ребенка, «больших и малых», то в 1811 г., судя по справке хозяйственного департамента министерства полиции, их было уже 182¹⁸.

Показатели смертности детей в воспитательном доме были относительно невелики. В 1826 г., например, судя по ведомости заведений Пермского приказа общественного призрения, из состоявших на попечении воспитательного дома 282 детей (123 мальчика и 159 девочек) выбыло 44 (19 мальчиков и 25 девочек), а умерло 55 (25 мальчиков и 30 девочек), т. е. смертность детей не превысила и 22 %, что примерно соответствовало показателям работы столичных воспитательных домов¹⁹. Питомцы Пермского воспитательного дома, очевидно, имели достаточно хороший медицинский уход. К 1830 г. два его отделения, мужское и женское, располагались в отдельных деревянных домах (один общественный, другой – нанятый у частного лица), в каждом из которых имелась собственная больница²⁰. В штате воспитательного дома этого времени числились

¹⁶ См.: ГАПК. Ф. 82. Оп. 13. Д. 13. Л. 35, 57 об., 210, 244.

¹⁷ См.: Карл Федорович Модерах. Некролог // Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876. С. 83.

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 1003. Л. 327.

¹⁹ См.: ГАПК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 63. Л. 70.

²⁰ См.: Там же. Д. 82. Л. 8.

лекарский ученик и два смотрителя при больницах. Ранее детей осматривал и лечил городской доктор.

Детей призывали не только в самом помещении сиропитательного дома, но и в домах кормилиц. Для поощрения последних в Перми была разработана особая система премий. Пермский гражданский губернатор Богдан Андреевич Гермес сообщал в 1812 г. в министерство полиции, что вскоре после своего вступления в должность (в 1805 г.) он обратил внимание генерал-губернатора на то, что «поступающие в здешний сиропитательный дом младенцы, на основании положения приказа, будучи отдаваемы на вольное воспитание разного состояния женщинам как в городе, так и в окрестных селениях, были ими содержимы нерачительно и не с надлежащею попечительностию, отчего многие из них подвергались разным болезням, даже иногда неизлечимым, а нередко и умирали». Чтобы преодолеть это зло, Б. А. Гермес, с согласия К. Ф. Модераха, разработал специальное положение, согласно которому для воспитания детей избирали таких женщин, «кои по образу жизни и поведению их будут заслуживать в том более прочих доверия», а тем из них, кто смог вырастить ребенка до двухлетнего возраста, выдавали сверх положенной платы еще и единовременное награждение в 10 рублей. Эта мера, по мнению Б. А. Гермеса, дала «самые ощутительные последствия», так как случаи смерти детей воспитательного дома стали гораздо более редкими²¹.

«Хозяйственное описание Пермской губернии», составленное в 1804 г. директором местных училищ Н. С. Поповым, сохранило подробное описание работы сиропитательного дома начала XIX в. Прием младенцев сюда, как и во всей Российской империи, был анонимным: человек, приносивший ребенка, имел право не сообщать ни своего имени, ни звания, ни того, чей же это младенец. Служители воспитательного дома могли лишь спросить, крещен ли он и каково его имя. Для приноса младенцев служили специальный «чулан» и «прилавок», устроенные рядом с окном воспитательного дома. У «прилавка» была подвешена веревочка с колокольчиком. В ночное время с помощью этого колокольчика можно было оповестить служителей дома о необходимости принять младенца. Если ребен-

²¹ См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 1003. Л. 318.

ка приносили тайно, то служительницы воспитательного дома при осмотре определяли, крещен ли он. Младенца, не имеющего креста, подвергали обряду крещения на следующий же день. После этого о новом воспитаннике сообщали в городскую управу благочиния.

Поступившего в сиропитательный дом младенца одевали и кормили из рожка, полагая, что он мог не получать пищи с самого часа своего рождения «по беспутному состоянию его родителей, старающихся только о том, как бы его сбыть с рук и стыд свой прикрыть». Впоследствии ребенок мог остаться в воспитательном доме, попасть на дом к кормилице или найти приют у «доброхотных людей». Последних раз в две недели посещал председатель приказа общественного призрения. Он проверял, как содержатся дети и не подвергаются ли от дурного присмотра и пропитания «конечной гибели». От кормилиц, по прошествии двух лет, дети возвращались обратно в воспитательный дом. Здесь они получали начала образования и навыки мастерства. Мальчиков учили сапожному и портняжному ремеслам, девочек – вязанию, шитью, прядению и ткачеству. Наиболее талантливых детей отправляли в главное народное училище, обучали вокальной и инструментальной музыке²².

В 1819 г. при Пермском воспитательном доме начала работать ланкастерская школа. Открыта она была по инициативе Санкт-Петербургского Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения. Историю этого общества многие исследователи связывают с декабристским движением, немалое число членов его, действительно, состояли в «Союзе благоденствия». Однако сама идея ланкастерского обучения была популярна в то время не только у декабристов. Одобряло эту форму обучения детей и голицынское Министерство народного просвещения. Именно метод Ланкастера, как указывалось в докладе министерства, «будет общим для всего государства учреждением, по которому откроется средство к первым началам обучения для всего нижнего и бедного состояния людей»²³.

Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения ставило своей целью распространение начального обра-

²² См.: *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб., 1813. Ч. 3. С. 124–125.

²³ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 146.

зования в стране. Согласно уставу, оно обязывалось оказывать содействие и материальную помощь организаторам школ взаимного обучения и в Санкт-Петербурге, и в других городах России, получая для этого средства за счет членских взносов и добровольных пожертвований благотворителей. Первая школа Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения была открыта в Санкт-Петербурге в 1819 г. Тогда же было направлено обращение почетного члена Вольного общества А. Д. Балашова ко всем начальникам губерний с просьбой о помощи в распространении подобных училищ в России. В уральских губерниях на этот призыв откликнулся пермский гражданский губернатор Антон Карлович Криденер.

Открывая новую школу, А. К. Криденер действовал по уже сложившейся к этому времени схеме: просьба губернатора о пожертвованиях на первоначальное обзаведение нового учебного заведения поступила ко всем городничим и местным городским головам Пермской губернии. Благодаря этому, как свидетельствует директор училищ Н. С. Попов, удалось склонить «многих чиновников и другого звания любителей общественной пользы к значительным пожертвованиям»²⁴. На новую школу была собрана весьма крупная для Урала сумма – 3541 рубль 88 копеек. Для ее размещения были выделены комнаты при Пермском воспитательном доме, находившемся в ведомстве местного приказа общественного призрения. Пятого сентября 1819 г. Пермская школа взаимного обучения приняла первых учеников.

Активно содействовала новому «общепользному предприятию» пермская интеллигенция. Непосредственное руководство работой школы взяли на себя учитель Пермской мужской гимназии Василий Тихонович Феонов и служащий губернского правления Михаил Гаврилович Сведомский. Вполне вероятно, что именно благодаря деятельности этих талантливых, известных своей ученостью и знаниями людей горожане скоро признали новую форму обучения. «Все учатся с величайшей охотой и удовольствием, – писали В. Т. Феонов и М. Г. Сведомский, – и распространившаяся мол-

²⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 44.

ва о столь быстрых успехах ежедневно привлекает к нам не только родителей, но и самих детей, желающих обучаться в сем учрежденном училище»²⁵. Число школьников быстро росло. В конце сентября 1819 г. в Пермской школе взаимного обучения числился 51 ученик, а в 1820 г. количество учеников возросло до 118.

Вольное общество распространения училищ по методу взаимного обучения прекратило свою деятельность в 1823 г. В изменившейся политической обстановке оно стало вызывать подозрения властей. В 1827 г. закрылось, из-за недостатка средств, основанное Вольным обществом Петербургское ланкастерское училище. Пермское училище по методу взаимного обучения продолжало действовать до 1834 г. Несмотря на столичные политические бури, это училище поддерживало местное городское общество. По его решению с 1824 г. городская дума ежегодно выделяла на содержание ланкастерского училища по 100 рублей. В училище существовало 8 отделений. Воспитанников обучали здесь чтению, письму, первым действиям арифметики, сокращенному катехизису и священной истории. Обучение производилось по таблицам, изданным департаментом народного просвещения. Писали дети сначала на песке, потом на аспидных досках и, наконец, на бумаге. Учащимися ланкастерской школы были дети из низших слоев населения. В 1821 г. примерно 33 % от всех ее учеников составляли питомцы Пермского воспитательного дома, 27 % – дети дворовых (крепостных) людей. Находились в школе также дети мастеровых, государственных крестьян и представителей прочих бедных сословий.

После начала образовательных реформ Николая I государственная структура образования в провинции была изменена, и Пермская ланкастерская школа прекратила свое существование. Закрылся вскоре по вышеназванным причинам и Пермский воспитательный дом. В 1828 г. свободный прием воспитанников в него был отменен. Прежние питомцы до определения своей судьбы некоторое время числились при доме. В 1830 г. их было 86, из них 53 жили в мужском и женском отделениях дома (33 мальчика и

²⁵ Цит. по: *Калинина Т. А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.): учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 51.

20 девочек), остальные (27 мальчиков и 6 девочек) находились на воспитании у няnek и кормилиц²⁶. В 1833 г. число воспитанников снизилось до 49, из них 23 находились в воспитательном доме, 26 – у няnek и кормилиц²⁷. Последние упоминания о деятельности Пермского воспитательного дома содержатся в ведомостях местного приказа общественного призрения за 1839 г. В это время здесь находилось 16 мальчиков. В июне 1839 г. воспитательный дом был окончательно закрыт²⁸.

Бывшие питомцы дома «увольнялись к благотворителям», отдавались на обучение к мастерам или направлялись в различные учебные заведения. В 1832 г., например, 22 малолетних воспитанника были переданы на вольное содержание в города и деревни, 27 мальчиков в возрасте 8–16 лет направились на обучение фельдшерской науке в городовую больницу, Казанскую фельдшерскую школу, фельдшерские школы при Санкт-Петербургской Обуховской больнице, часть детей поступила в местное уездное училище, Ярославское приуготовительное отделение писцов, в лекарские и аптекарские ученики, наборщики типографий, «по ботанической части» и в работники других заведений²⁹.

Финансирование воспитательного дома в последние годы резко сократилось. В 1837 г. его расход составлял около 3740 рублей, в 1838 г. – 2246 рублей, а в 1839 г. – 1420 рублей³⁰. В фонде хозяйственного департамента Министерства внутренних дел сохранилось отношение пермского гражданского губернатора А. Ф. Кабрита от 1 февраля 1836 г., в котором тот уведомлял вышестоящее начальство о необходимости изготовить для подопечных сиропитательного дома новую одежду взамен пришедшей в ветхость старой. Судя по этой переписке, они носили сюртуки и брюки темно-зеленого цвета «с воротниками такого же цвета»³¹. В ответ на просьбу губернатора министр внутренних дел весьма предусмотр-

²⁶ См.: ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 82. Л. 8.

²⁷ См.: Там же. Л. 68.

²⁸ См.: Там же. Д. 104. Л. 63.

²⁹ См.: Там же. Д. 85. Л. 178, 186.

³⁰ См.: Там же. Д. 104. Л. 35, 55, 63.

³¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 16. Д. 863.

рительно предписал сшить лишний комплект одежды по образцу формы Пермского училища детей канцелярских служащих, предполагая, очевидно, что форму питомцев закрывающегося воспитательного дома можно будет передать действующему училищу.

После закрытия детского учреждения пермский приказ общественного призрения продолжал выдавать средства на «подкидышей и бродяг на вольном содержании», но это были мизерные деньги, которые к тому же год от года сокращались. В 1841 г., например, они составили 201 рубль, в 1842 г. – 176 рублей, а в 1846 г. – лишь 58 рублей³².

Современники весьма неоднозначно оценивали российские воспитательные дома начального периода их деятельности. Многие считали эти заведения бесполезными и даже вредными. Так, например, известный английский пастор и экономист Томас Мальтус, побывавший в России в 1789 г., печально заметил, что «если бы какому-нибудь человеку, не слишком щепетильному в средствах, вздумалось искусственным способом обуздать рост населения, лучшей меры, чем создание достаточного числа приютов, принимающих всех детей без разбора, придумать было бы невозможно»³³. Подобные обвинения, впрочем, тогда можно было высказать по отношению ко всем детским приютам Европы, высокая смертность была их «сущим бичом»³⁴. Закрытие воспитательных домов тем не менее отнюдь не помогало улучшению удручающего положения брошенных детей и матерей-одиночек, а лишь усугубляло его. Общественная полемика и страшные жертвы голода, обрушившегося на Россию в 1891–1892 гг., заставили правительство вновь обратиться к опыту этой формы помощи детям.

³² См.: ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 104. Л. 69 об., 196, 299.

³³ Цит. по: Дэвид Л., Рэнзе Л. Сироты и подкидыши // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2007. С. 469.

³⁴ См.: Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М., 2002. С. 781.